

Глава 1

Мое тело превратилось в сжатую пружину. Пальцы рефлекторно сжались в кулаки. Хотелось резко развернуться и хрястнуть боковым того, кто с пистолетом. Нет... Слишком опасно. Не чувю я, где противник. Не ощущаю дистанцию.

«Алкаш» работал грамотно: ткнул меня пистолетом, дал почувствовать дуло и теперь держал ствол на некотором расстоянии. Могу промахнуться. Не поймешь, где оружие. В паре сантиметров от спины или дальше. Выбить никак не получится.

Все эти приемчики по обезоруживанию даже включены в обязательную программу по служебной подготовке в МВД. Но ерунда это все. Если ты робкоп, можно попробовать выбить пистолет, а так — не стоит. Шанс словить пулю — процентов за девяносто.

Мордovorot вылез из машины и с ходу врезал мне под дых. Я согнулся в три погибели, хватал ртом воздух и боролся со спазмом. Вот с-сволочь! Больно...

Я не успел среагировать и защититься от удара. Слишком занят был думками о пистолете за спиной. Да и дергаться лишний раз не хотелось.

Стрелок сзади мог сдуру подумать не то, а пробоина в спине мне ни к чему. Не хочется шкуру портить. У меня и татушек-то нет, а дырок подавно не надо.

Пока я пытался продышаться, из машины вылезли еще двое. Краем глаза видел, что одежды неброско, свитера и непонятного вида штаны. Один даже в спортивном костюме. Мать!.. Да кто ж это такие?

Не произнося ни слова, меня скрутили и затолкали на заднее сиденье. Двое громил стиснули меня с боков. Руки стянули впереди.

— Поехали, — похлопал водилу по плечу сидящий справа от меня мордovorot. Тот самый, что меня ударил. Лицо мне его показалось немного знакомым. Такую рожу трудно не запомнить.

С каждой секундой мне становилось все понятнее, к кому в лапы я попал. Конторские так грубо не работают и одеваются совсем по-другому. Если комитетчики захотели бы со мной переговорить, то просто показали бы свои корки. Я бы и так с ними поехал. А тут вылитые бандюганы. Вместо наручников нейлоновый шнур.

— Вы кто такие? — прохрипел я, когда наконец отдышался и смог хоть как-то говорить.

Но вместо ответа получил удар в живот. В этот раз я был готов. Успел сгруппироваться и подставить локоть. Кулак смазал по моей руке, и удар получился не таким чувствительным, но один хрен — больно.

Прикусил губу. Вот твари... Лучше помолчу пока. По дороге на голову мне напялили какой-то колючий мешок. Он вонял тухлой рыбой.

Мерзкие жесткие волокна щекотали кожу и с чешуей липли к лицу и шее. Я брезгливо отплеывался.

Попал так попал... И работа в ментовке не спасла. Я уже понял, кто хозяин этих бандерлогов. Весь вопрос в том, куда меня везут. Если закапывать в лес, то дело — труба. Умирать как-то совсем не хочется. Особенно когда восемнадцать годков от роду. Я к смерти никогда не был готов. Хотя иногда был с ней на «ты».

Но если едем на «казнь», тогда смысл мне мешок на голову цеплять? Мертвые не болтают и дороги назад не найдут. Значит, не все потеряно. Скорее всего, меня к боссу везут. А он и будет решать, что с Курсантом делать.

Надо же... И о прозвище моем пронюхали. Облажался товарищ Черненко, не уберег подопечного.

Хотя кто его знает? Может, это он меня и слил? Все тут не так просто оказалось. Нет черного и белого. А в серых полутонах запутаться можно.

Машина стала покачиваться на кочках. Получается, что съехали с асфальта. Это плохо... Громоздкие туши сдавливали меня с боков. Несет от них потом и одеколоном. Явно не советским «Шипром».

Сколько времени прошло? Минут двадцать-тридцать примерно. «Волга», судя по звуку, уже въехала на грунтовку. По подкрылкам защелкали камешки. Я запоминал дорогу на слух.

Проселочная дорога, получается, облагорожена мелким гравием или щебенкой. Все не так

уж и плохо. Это значит, что не в лес меня везут. Скорее всего, направляемся на дачу или в загородный дом. Что, впрочем, в семидесятые было одним и тем же.

Еще минут через десять автомобиль сбавил скорость и, неспешно прокатившись несколько метров (очевидно, въехали во двор), остановился.

— Приехали! — возвестил чей-то хриплый, как у Джигурды, голос.

Меня выволокли из машины. Даже сквозь грубую мешковину я почувствовал свежий воздух. Не как в городе. Где-то вдалеке заливались собаки. Городского шума не слышно. Все-таки дача, получается.

Подхватили под руки и потащили куда-то. О первые ступеньки (крыльца, наверное) споткнулся, но повис на руках, что вцепились в меня мертвой хваткой. Потом уже шагал осторожнее. Ноги поднимал выше и опирался на головорезов побольше. Те не особо этому обрадовались и при каждом удобном случае тыкали меня под ребра локтями.

Ночная прохлада сменилась на комнатное тепло. Сквозь сплетения грубых нитей сочится свет. Мы в помещении. Сопровождающие остановились и отпустили мои связанные впереди руки. Сдернули с головы мешок.

Я очутился в огромном каминном зале с диванами и столиками в каком-то средневековом стиле. На атласном «лежаке» с резной спинкой прямо передо мной развалился Гоша Индия. Едкая ухмылка застыла на заостренном лице. Кожа неестественно серая. Глаза чуть впали. Хреново

выглядит катала. Возле него переминается с ноги на ногу кучка головорезов, что приволокли меня.

На Гоше шерстистый расписной халат, больше напоминающий одеяние падишаха. В руках бокал с янтарно-коричневой жидкостью. Вискарь или коньяк. Смотрит на меня, как бультерьер перед боем. Глаза кровью налиты, но с хмельком чуть-чуть.

Что же ты, падла, так на меня злишься? У тебя дочь недавно убили, а ты все Курсанта забыть не можешь. И, кстати, откуда он мое прозвище узнал?

— Вот мы и встретились, — процедил Гоша, приглаживая аккуратно выбритые тараканьи усики.

Сам седой, а усики цвета вороньего крыла. Подкрашивает он их, что ли?

— И тебе привет. Или как тут вас принято? — хмыкнул я. — Вечер в хату...

Нужно показать, что Курсант не робеет. Если не боится, значит, чувствует за собой правоту. Может, это хоть как-то мне поможет. Хоть немного...

Но такая тактика не прокатила. Гоша кивнул, и ко мне со спины кто-то подступил.

Хрясь! От удара сзади-сбоку в челюсть аж искры из глаз брызнули. Я еле устоял на ногах. Адская боль обожгла лицо. Рот наполнился жидкостью с привкусом железа. Я лихорадочно ощупывал кончиком языка зубы. Вроде целы.

— Громкими словами разбрасываешься, Андрюша. Не по масти, — Гоша в лице не менялся, эмоций ноль.

Будто с памятником говорю. Лишь по голосу можно было понять, что он явно не в духе. Скрипучий и жесткий такой голос. Как ножом по металлу.

— А что мне статус? — я сплюнул кровь. — У нас коммунизм. Все, так сказать, равны...

Гоша опять кивнул своим шавкам, я приготовился к худшему и сгруппировался, но те вышли из комнаты. Мы остались одни.

Тишина. Тихо потрескивал камин, отбрасывая хищные длинные тени. В комнате царил полумрак. Тяжелые портьеры наглухо запечатали окна. Лишь несколько напольных светильников в форме замысловатых свечей да пламя огня теснили темноту по углам.

Осмотрелся. На стенах картины с полуголыми бабами с наливными формами (как у певицы Лолиты) на фоне дворцовых покоев. Пара статуй в человеческий рост. Тоже полуобнаженные женщины. Из греческой или из хрен пойми какой мифологии.

Взгляд невольно задержался на бронзовой треноге, на которой висел каминный набор. Если завладеть кочергой или совком (он даже поудачнее будет — весу в нем больше), можно попытаться вырубить Гошу.

Руки у меня связаны впереди, и махать стальным орудием вполне получится. Но камин расположился за Гошиной спиной. Так просто до него добраться он не даст.

На задохлика бандит совсем не похож, на его левом ухе хрящ надулся, как пельмень. Сломано ухо когда-то было, как у борцов. Наверное,

спортом Гоша каким-то в молодости занимался. И сейчас видно, что в форме. Не по статусу и не по возрасту подтянутый и без намека на мамон.

Со связанными руками мне с ним никак не совладать. Да и за дверью его гориллы притаились. Если шум какой услышат, мигом внутрь ворвутся. Гоша не дурак: раз оставил меня с собой наедине, значит, полностью уверен в своих силах и контролирует ситуацию.

Но я бы на их месте руки мне за спиной связал. Для надежности. Пока руки связаны впереди и дают ложную надежду на спасение, меня постоянно одолевают шальные мысли: «Как прихлопнуть гада и свалить?»

— Не боишься, Курсант? — в лоб выдал Гоша.

— Не боятся только дураки, — спокойно ответил я.

— Верно, — кивнул катала. — На дурака ты не похож. Сам во всем признаешься, или мои люди поговорят с тобой? С пристрастием.

— В чем признаться? — лучшая защита — это нападение. — В том, что ты людей обуваешь в подпольном казино? В том, что я выиграл у *тебя* лишнюю сотку и шулера подсадного спалил? Так это ты уже наверняка сто раз компенсировал новой выручкой. Уверен, что казино до сих пор процветает? Ведь так?

Подстриженные брови Гоши поползли на лоб. Он отставил бокал. Потом снова подхватил его. Залпом опустошил (кто ж так коньяк-виски хлебает? Вот вандал) и злобно прошипел:

— Дурака валяешь? Сучонок! Что мне твоя сотка? Говори, тварь... Это был ты?..

Тонкие губы катались тряслись. Казалось, он готов был вцепиться зубами мне в горло. Чем же я его так обидел, что он пошел на похищение человека? Причем работника УВД. Хотя и вольнонаемного.

— Скажи прямо... — мои глаза сузились. — Что за шарада? В чем ко мне предьява? В том, что твоих отморозков ни с чем оставил, когда они меня на перо хотели посадить? Так сам виноват. Сам их на меня натравил. Обиделся, что я не сдох? Спасибо товарищам из конторы. Во время подоспели. Иначе без трупов бы не обошлось. И не факт, что я первым бы погиб. Хотя, скорее всего, погиб бы тоже...

Гоша опешил. Плеснул себе еще напитка. Хлобыстнул. Занюхал пушистым рукавом халата. Кашлянул и снова впился в меня рентгеновским взглядом:

— Я никого к тебе не подсылал... Что несешь?.. Говори! Ты ее убил?!

— Кого? — только сейчас до меня дошло, что Гоше от меня надо.

Твою ж мать! Он думает, что я убил Зину? Вот это расклад... Как он вообще узнал, что мы с ней встречались? Это было всего раз... И какого хрена он чешет, что не подсылал ко мне бандюганов? В ту ночь, если бы у меня на хвосте не сидели конторские, вряд ли бы я выжил.

От этих мыслей в голове совсем все перепуталось. Так... Будем рассуждать логически. Поментовски. На меня напали во дворе трое. Караулили весь день, хотели пришить. С какого перепугу я взял, что это Гошины подручные? Са-

ныч сказал, что катала на меня обиделся, а ему одноклассники-сидельцы об этом шепнули. В казино меня узнал заведующий хирургии Мытько. Крысенюш сдал меня Гоше, а тот решил отомстить? Или и вправду на меня напали не люди Индии?.. Ёперный театр! Тогда кто меня пытался убить?!

— Я не трогал твою дочь, — четко и спокойно проговорил я, будто учитель ребенку. — С чего ты вообще это взял?

— Ты был с ней! — Гоша вдруг на секунду потерял самообладание и взвизгнул: — У меня дома! Мой водитель забрал вас с фабрики, он узнал тебя. Твои фото мелькали в прессе...

Так-с... Получается, нас с Зиной довозил вовсе не таксист? Человек, замаскированный под такси, забирал ее. Зачем притворяться таксистом? Чтобы вопросов лишних к комсоргу не было?

Скорее всего, да... С этим понятно. Потом Зина погибла, и водила неожиданно напомнил Гоше о грешках его дочери. Пока та была жива — молчал. Логично...

— Я был у тебя, — кивнул я. — Но я не знал, что Зина твоя дочь. Ни за что бы не подумал. Она была отличным человеком и хорошим комсоргом.

— Заткнись, — прошипел Гоша. — Не произноси ее имя своим поганым языком! Мне без разницы, признаешься ты или нет. Но завтра ты сдохнешь... Как паршивый пес!

— С чего ты вообще взял, что я убил Зину?.. — вновь повторил я.

Гоша хлопнул кулаком по столику. Тот задрожал, а бокал жалобно звякнул.

— Я расскажу, как было дело! — прохрипел он. — Сначала ты слил моих подручных, что занимались разменом валюты. Потом ты пришел ко мне в казино, навел там шороху и взбаламутил клиентов. Многие после этого перестали его посещать. Но тебе показалось этого мало. Ты устроился на фабрику, где работала моя дочь. Втерся к ней в доверие. Пришел ко мне домой... Трахнул ее, с-сука!.. А потом она погибла... Не правда ли очень странное совпадение? Кто ты, б..дь, такой?! Какого хрена прицепился к моей семье, тварь?!

Тут я совсем офигел. Оказывается, главным злодеем во всей этой новоульяновской истории был не Гоша Индия, а молодой комсомолец Петров. По отдельности все эти факты можно было считать простым совпадением. Но если сложить в пазл... То получается, что я пытался прицепить хвост Гоше, но, не добравшись до него, придушил его дочь. Звучит очень убедительно. Я бы на его месте в этом не сомневался. Но есть одно «но»... Очень веское. Не знаю, послушает ли меня обезумевший от горя отец. Попробую...

— Ты думаешь, что вчерашний школьник может повернуть такое? — начал я издали. — С валютчиками мне повезло, что остался жив, случайно на них напоролся, но меня они ранили. На фабрику я попал по совету соседки, без разряда и образования особо вариантов не было. И Зину не я выбрал. Скорее, наоборот... А в твоём чертовом казино мой друг проигрался. Твои

бандерлоги его на проценты посадили и избить хотели, и мне пришлось вмешаться. Слишком много ты ждешь от обыкновенного комсомольца. Такая сложная схема ему не под силу.

— Все так, но ты не простой школьник, — прошипел Гоша. — Ты думаешь, я не знаю, кто ты такой?

Я насторожился. Вечер полон удивлений и открытий. Неужели он знает, что я из будущего? Нет. Не может быть...

— И кто же? — спросил я, но такого ответа никак не ожидал.

— Ты сын своего отца. Яблоко от яблони... Ты такой же, как он. Даже хуже. Умеешь притворяться. Казаться слабым. Выжидаете момент и бьете первым...

Епрст-э! Я просто охренел от такого поворота... Гоша знал моего отца?! Мать никогда про него не рассказывала. Избегала любых разговоров о нем. Удивительное дело — в доме не было ни одной семейной (а тем более его личной) фотографии.

Я все шкафы перерыл. Ни одного документа, именной квитанции из химчистки или чего-то подобного. И самое интересное — никто из соседей его не вспоминал. А на мои завуалированные вопросы лишь пожимали плечами. Призрак, а не отец. С нами он не жил, и вскоре мне стало на него пофиг. Я успокоился и выкинул его из головы. А похоже, что зря...

— Я не помню своего отца, — проговорил я, надеясь, что Гоша что-то прояснит.

Но тот лишь презрительно фыркнул.